

Мастер Цзинкун долго смотрел на него, прежде чем спросить:

— Хм, твое происхождение действительно создает немало хлопот. Хотя большинство людей опасаются Клана Русалок и не решаются открыто держать представителей твоего народа в неволе, всегда находятся те, кто готов пойти на риск.

Мэн Тинлань вертел в руках чашку, выглядя несколько потерянным:

— Здесь, конечно, безопасно, но я хочу увидеть мир. Не хочу всю жизнь провести в четырех стенах. Не знаю, остались ли у Клана Русалок враги, но вряд ли снаружи меня ждет что-то худшее, чем здесь. Лучше уж странствовать, а если когда-нибудь устану или найду место, которое мне по душе, тогда и осяду.

Мастер Цзинкун вздохнул:

— Раз уж решил — ступай. У всего в этом мире есть свои причины и связи. Я гадал о судьбе твоих родителей: их следы в последний раз терялись именно в землях человеческого рода. Возможно, сама судьба так распорядилась. У меня есть вещь, способная скрыть твою истинную сущность. Пока ты не снимешь её, никто ниже уровня Верховного не сможет тебя разоблачить.

Мэн Тинлань пришел в восторг. Изначально он лишь надеялся узнать название магического артефакта, чтобы потом найти способ раздобыть нечто подобное, но никак не ожидал, что у Мастера Цзинкуна такая вещь уже есть.

Однако мастер не спешил её отдавать, а лишь добавил:

— Но ты должен стать моим учеником. Согласен?

Мэн Тинлань замер, не сразу поняв, что имеет в виду Мастер Цзинкун, но он давно считал его своим наставником, поэтому ответил без колебаний:

— Вы спасли мне жизнь и вырастили меня. Ваша милость подобна второму рождению, я всегда воспринимал вас как отца и учителя. Если вы не брезгуете мной и готовы принять в ученики, я буду только счастлив.

Цзинкун кивнул, его взгляд смягчился. Он подвел Мэн Тинланя к статуе Будды, где тот совершил обряд посвящения. Когда поклоны были завершены, мастер поднял его с колен и снял со своей руки четки из двадцати одной бусины тысячелетнего дерева бодхи, надев их на запястье Мэн Тинланя.

Для монаха четки — это личный магический инструмент, символ веры. Эти четки сопровождали Цзинкуна долгие годы. С тех самых пор, как Мэн Тинлань попал сюда и впервые увидел мастера, тот всегда носил их. Никогда за все это время он их не снимал. Для Мастера Цзинкуна это была бесценная вещь, и теперь он отдавал её ему. Мэн Тинлань покачал головой:

— Учитель, я не могу их взять. Это ваш артефакт, он был с вами столько лет. Я ни за что не приму их. Я найду способ скрыть свою сущность позже, пожалуйста, заберите их обратно!

С этими словами Мэн Тинлань снял четки и, склонившись, протянул их обеими руками Мастеру Цзинкуну.

Мастер потрепал его по голове, не забирая четки:

— Раз я отдал их тебе, значит, они твои. Наша встреча — это судьба. К тому же теперь ты мой ученик, это мой подарок в честь начала обучения. Все остальное — лишь внешние атрибуты, просто у этих четок с тобой есть особая связь.

Видя, что Мэн Тинлань не двигается, мастер продолжил:

— В тот день, когда я нашел тебя, я не собирался идти к морю. Но я потерял одну бусину — она отскочила, когда я гулял по берегу накануне вечером. Это же артефакт из тысячелетнего дерева бодхи, он не мог просто так потеряться. Это судьба. Это они выбрали тебя. Считай это даром наставника. Или ты не хочешь становиться моим учеником?

Мэн Тинлань беспомощно произнес:

— Учитель, вы прекрасно понимаете, что я имел в виду.

— А ты должен понимать, что имел в виду я. Это связь между ними и тобой, связь между нами. Когда ты уйдешь, они станут моим благословением для тебя, будут хранить твой покой и напоминать обо мне.

Глядя на любящий взгляд Мастера Цзинкуна, Мэн Тинлань почувствовал, как сердце наполнилось теплом. В этом чужом мире этот человек спас его, вырастил, обучил, дал безопасный и теплый дом, а теперь отдал даже свой личный артефакт. А ведь поначалу они были совершенно чужими людьми.

У Мэн Тинлани защемило в носу, и он расплакался. С тех пор как он узнал, что его слезы очень ценны, он решил: если уж плакать, то так, чтобы это приносило доход — деньги на дороге не валяются!

Он не удержался и обнял Мастера Цзинкуна, тихо всхлипывая. Он очень скучал по своим родным. Все эти годы он отчаянно тренировался, чтобы не было времени предаваться грусти.

Цзинкун, конечно, жалел ребенка. Хоть они и были разных видов, он подобрал его, вырастил, и между ними возникла глубокая привязанность. Мальчик всегда был послушным и разумным, но его принадлежность к русалкам несла одни беды, и отсутствие семьи или друзей вызывало лишь жалость.

Мэн Тинлань долго обнимал мастера, продолжая тихо плакать. Но как только Цзинкун, преисполненный сочувствия, решил его утешить, юноша внезапно перестал рыдать, посмотрел на рассыпанные по полу жемчужины, и его глаза, превратившиеся в полумесяцы, радостно заблестели. Он принялся собирать их с пола.

Мастер Цзинкун, глядя на его пряткую спину, улыбнулся. Так даже лучше — он выглядел гораздо живее. Мастер ни о чем не беспокоился, не заметив, как в стороне Мэн Тинлань уронил еще две жемчужины. Нельзя же оставлять старика тревожиться! Какая у него, оказывается, сыновья почтительность!

Мэн Тинлань собрал все жемчужины и вложил их в руку мастера, широко и беззаботно улыбаясь:

— Это мой подарок вам, учитель. Я тоже хочу, чтобы вы были здоровы и жили в мире, вдали от бед и болезней.

Цзинкун беспомощно хлопнул его по голове и проворчал:

— Ну что с тобой делать!

Мэн Тинлань потер макушку, жмурясь от удовольствия. Оба понимали чувства друг друга: ты защищаешь меня своим артефактом, а я защищаю тебя своими самыми искренними чувствами и драгоценными слезами.

Цзинкун продолжил уже серьезнее:

— Эти четки помогут тебе в совершенствовании, но не используй их без надобности. Носи как защиту и украшение. Не выставляй богатство напоказ — обладание сокровищем привлекает беду. Твоя природа и так создает достаточно проблем, а эти четки скроют твой уровень силы и истинный облик. Выйдя наружу, будь скромнее. Высокое дерево первым ломается под ветром. Пока ты не станешь достаточно сильным, учись скрывать себя, понял?

Казалось, великий мастер буддийского пути превратился в ворчливую матушку.

Мэн Тинлань кивнул и спросил:

— А они могут изменить цвет моих волос и глаз?

Его внешность была слишком приметной, совсем не как у обычного человека.

Цзинкун покачал головой:

— Нет. Да тебе это и не нужно. У людей тоже встречается немало тех, кто обладает особыми родословными или практикует редкие техники, из-за чего меняется цвет волос. Об этом не беспокойся. Но раз уж ты стал моим учеником, начни практиковать и буддийские техники. Не нужно тратить на это слишком много времени — хоть у тебя и есть предрасположенность, это не твой основной путь. Но благословение буддийской школы поможет тебе преодолеть барьеры в развитии, это будет тебе полезно.

Мэн Тинлань поклонился:

— Слушаюсь, учитель!

— Хорошо, иди тренируйся.

Используя опыт предыдущего боя, Мэн Тинлань выбрал морского конька, равного ему по силе. С поддержкой четок битва прошла гораздо легче, чем в прошлый раз. Через полчаса он сразил противника и добыл ядро демона. Однако поглощать его сразу он не решился: энергия ядер демонов была полезна, но он никогда их не пробовал, а в прошлый раз косатка взорвалась, так что и взять было нечего.

Мэн Тинлань вертел в руках синий кристалл размером с кулак, похожий на неровный кусок стекла. На всякий случай он решил сначала показать его учителю. Так он и начал бродить по океану в поисках демонических зверей подходящего уровня, сражаясь с ними — кого-то убивал, кого-то отпускал, набираясь боевого опыта.

Пока он искал противников, он находил на дне немало человеческих вещей. Мэн Тинлань решил, что будет контактировать с главным героем как человек. Ради безопасности он должен с самого начала скрывать свою личность. Кроме людей на острове, он никого не знал, а здешние монахи не станут выдавать его тайну. А когда он покинет это место, никто уже не узнает, кем он был на самом деле.

А если кто спросит, можно сказать, что его подобрал и вырастил Мастер Цзинкун, и он не знает, кто его родители. Так ведь никто не заподозрит неладное...

<http://bllate.org/book/22108/2300931>